

соискатель факультета журналистики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
Тел.: 8 (904) 555-58-27; E-mail: marina_prestige@mail.ru

В статье анализируются идеи выдающегося мыслителя французского Просвещения XVIII в. Ж.-Ж. Руссо, взгляды которого существенным образом повлияли на социально-политическую мысль не только его времени, но и будущего. Автор проанализировала философско-политические трактаты Руссо: «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755 г.) и «Об Общественном договоре» (1762 г.).

Ключевые слова: Ж.-Ж. Руссо, равенство, свобода, права, человек, власть, договор, принуждение, демократия, власть, мнение, граждане, общество.

ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ Ж.-Ж. РУССО О РАВЕНСТВЕ, СВОБОДЕ И ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ НА РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В современном сложном мире часто приходится обращаться к истокам общественной мысли. При рассмотрении взаимоотношений между человеком и обществом невозможно проигнорировать идеи Жан-Жака Руссо (1712–1778) – выдающегося мыслителя французского Просвещения, философа, социолога и эстетика, автора художественных произведений мирового значения, одного из теоретиков педагогики, взгляды которого существенным образом повлияли на социально-политическую мысль не только его времени, но и будущего. У многих мыслящих русских людей он пользовался огромным авторитетом. В XVIII–XIX вв. некоторые из них не расставались с произведениями Руссо, а Лев Толстой, по воспоминаниям современников, вместо креста носил его портрет¹.

Свои социально-политические взгляды Жан-Жак Руссо наиболее ясно изложил в двух философско-политических трактатах: «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755) и «Об Общественном договоре» (1762). В первом из трактатов Руссо показывает, что между людьми издревле существует природное и социальное неравенство. Причиной возникновения социального неравенства является частная собственность, позволившая после первоначального захвата ее одним людям угнетать других². Причем, несмотря на отношение Руссо к свободе как одному из важнейших и неотъемлемых прав человека, частная собственность для него – самое священное из всех прав граждан: «Несомненно, что право собственности – это самое священное из прав граждан и даже более важное в некоторых отношениях, чем свобода»³.

Развивая свои взгляды, Жан-Жак Руссо во втором трактате в качестве исходного выдвигает тезис о том, что человек рожден свободным, и делает из этого вывод: в основе каждой власти лежит соглашение. Однако заключать «соглашение, в котором, с одной стороны, выговорена абсолютная власть, а с другой – безграничное повиновение», значит отказаться от своей свободы», «отказаться от своего человеческого достоинства, от права человека, даже от его обязанностей... Заключив общественный договор, по мысли Руссо, «каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, и в результате для нас всех вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого»⁴.

Отсюда автор делает вывод, что государство, которому каждый отдает свою личность, не может иметь интересов, противоположных интересам подданных. Однако поскольку подданные могут вредить суверену, не подчиняясь ему, то общественное соглашение заключает в себе обязательство, что если кто откажется повиноваться общей воле, то он будет принужден к повиновению всем политическим организмом. Также подданные должны отдавать отчет суверену о своих убеждениях, поскольку они важны для общины.

В трактате «Об Общественном договоре» Ж.-Ж. Руссо утверждает, что «не имея возможности принуждать кого-нибудь верить в установленные им догматы, государство

может изгнать из своих пределов всякого, кто в них не верит <...> не как нечестивца, а как человека не общественного, как гражданина, не способного откровенно любить законы и справедливость и неспособного принести в жертву <...> свою жизнь своему долгу. Если же кто-нибудь, признав публично догматы, ведет себя как не верующий в них, то он должен быть наказан смертью: он совершил величайшее преступление, он солгал перед законом»⁵.

Таким образом, Руссо были сформулированы методологические основы идеологического принуждения и необходимости существования цензуры. К ее необходимости он приходит при обсуждении важности нравов, обычаев и особенно общественного мнения. Руссо подчеркивал: «Общественное мнение есть своего рода Закон, служителем которого выступает Цензор; он лишь применяет этот закон по примеру государя к частным случаям».

Руссо отмечает, что, таким образом, цензорский трибунал вовсе не является судьей народного мнения, – он лишь объявляет его; и как только он от него отходит, его решения уже безосновательны и не имеют действия. В главе «О цензуре» рассматриваемого трактата говорится и о том, что у всех народов мира не сама природа, а их взгляды определяют, что им любо. «Исправьте взгляды людей, и нравы их сами собою сделаются чище, – отмечает автор. – Любят всегда то, что прекрасно, или то, что находят таковым; но в этом-то суждении и ошибаются; следовательно, именно это суждение и следует выправлять»⁶.

По утверждению Руссо, взгляды народа порождаются его государственным устройством. Хотя закон и не устанавливает нравы, но именно законодательство вызывает их к жизни: когда законодательство слабеет, нравы вырождаются. Но тогда приговор цензоров уже не может сделать того, чего не сделала сила законов. Отсюда им делается вывод, что «цензура может быть полезна для сохранения нравов, но никогда – для их восстановления. <...> Как только они потеряли силу – все безнадежно; ничто, основанное на законе, больше не имеет силы, когда ее не имеют больше сами законы. Цензура оберегает нравы, препятствуя порче мнений, сохраняет их правильность, мудро прилагая их к обстоятельствам, иногда даже уточняет их, когда они еще неопределенны»⁷.

Руссо замечает: «Нельзя вдоволь надивиться на то, с каким искусством этот движитель, (общественное мнение. – М.М.), полностью утраченный у людей новых времен, действовал у римлян, а еще лучше у лакедемонян. Когда человек дурных нравов высказывал верное мнение в Совете Спарты, то Эфоры, не принимая его в расчет, поручали какому-нибудь добродетельному гражданину высказать то же соображение. Какая честь для одного, какое предостережение для другого, хотя ни тот, ни другой не получили ни похвалы, ни порицания!»⁸ Приводя этот пример из жизни античного общества, французский просветитель показывает, что мнение, высказанное добродетельным гражданином, имеет более сильное воспитательное значение, чем эти же слова, прозвучавшие из уст человека дурных нравов.

В своих педагогических воззрениях Руссо критиковал старую феодально-сословную систему воспитания и требовал, чтобы его целью была подготовка активных граждан, уважающих труд. Он намечает главные линии ведения пропаганды в новом государстве: «Догматы гражданской религии, — по мнению Руссо, — должны быть просты, немногочисленны, выражены точно, без <...> комментариев. Существование могучего, разумного, благодетельного, предусмотрительного и заботливого божества, будущая жизнь, счастье справедливых, наказание злых, святость общественного договора и законов — вот положительные догматы». Отрицательные — «ограничиваю их одним только догматом — нетерпимостью...»⁹

Великая французская революция восприняла многие идеи Руссо. Принятая ею Декларация прав человека и гражданина 1789 г. словами Статьи 1: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах» и Статьи 2: «Цель всякого политического союза — обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковые — свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению»¹⁰ провозгласила (в измененном виде) идеи Руссо. Они также были перефразированы и в Конституции Франции 1791 г. и 1793 г.

Подробнее остановимся на том аспекте Великой французской революции и идеях Руссо, которые продолжают оставаться, как нам представляется, предметом номер один споров исследователей его наследия и по настоящее время. Это — вопрос воздействия на революцию руссоистских положений о революционной диктатуре, насильственной смене власти, праве революции на террор, так как до сих пор многими французская революция оценивается, главным образом, как орудие террора и насилия. Действительно, выход из состояния, когда власть безраздельно распоряжается жизнью и имуществом народа, Руссо видел только в восстании, даже если оно и приводит к убийству или свержению деспота¹¹. Но, уточним, восстание подданных против Власти, по Руссо, оправдано в том случае, когда власть — деспотическая (т.е. в ее крайнем проявлении). И, что важно, он считал, что не следует изменять общественный строй, пока не использованы все возможности закона¹².

Политические идеи Руссо были встречены революцией восторженно, а его личность стала предметом культа для революционеров¹³. Однако идеология и практика деспотизма и насилия, более всего проявившаяся при якобинцах¹⁴, многими исследователями приписывалась Руссо. Но справедливо ли считать, что именно идеи Руссо повинны в якобинском терроре?

Как нам представляется, однозначно ответить на этот вопрос было бы некорректно. В этой связи необходимо учесть и другие мнения.

Так, известный французский историк и политик А. Токвиль (1805–1859) в работе «Старый порядок и революция» приходит к убеждению, что именно во Франции в конце XVIII в. контраст между сохранившимися в неизменности старыми феодальными порядками и подготовленными в то же время условиями уничтожения этих порядков дошел до предела¹⁵. И потому французская нация породила не простую революцию, а радикальную¹⁶. Причины революции, жестокость действий ее Токвиль видит прежде всего в предшествующей ей эпохе «старого порядка»¹⁷. При этом он добавляет: «...Эта революция была подготовлена наиболее цивилизованными классами нации, а исполнена самыми неотесанными и грубыми»¹⁸. В сочинении Токвиля имя Руссо в качестве ее идейного вдохновителя вообще не упоминается, хотя он и объясняет, что из-за отсутствия политических партий общественное мнение во Франции того времени было уделом одних только философов¹⁹.

Ф. Фарет, французский исследователь Ж.-Ж. Руссо, отмечает, что «революционное вмешательство» во все сферы жизни, нарушение правовых норм, самой же революцией и провозглашенных, все это привело к трагедии террора, к появлению начал культа личности и тоталитарной власти с ее культом народа, подменившей гражданское общество и государство с его принципом разделения властей²⁰.

Интересно и мнение историков французской революции А. Соболя, Д. МакДональда, И. Фечера, показавших смену оценок философии Руссо, принятой вначале восторженно, и выявившихся затем принципиальных расхождений между руссоизмом и идеологией якобинцев, которой были присущи не культ естественности, а культ политической социальности и программа «переделки» человека и общества во имя неких политически нужных целей; в таком контексте социально-политический «конструктивизм» якобинцев все более становился чуждым руссоистскому культу Природы и естественной природы человека²¹.

Отметим также и то, что марксистское учение признавало Французскую революцию самой авторитарной вещью, которая только возможна²², и придавало значение ей, как известному историческому событию и примеру, но отмечало, однако, при этом влияния именно взглядов Руссо на революцию.

Таким образом, вышеприведенный анализ позволяет нам высказать мнение, что идеи Руссо о революции, диктатуре, праве на насилие не являлись определяющими в контексте сложных условий возникновения и развития Французской революции, взгляды его воспринимались избирательно, а ссылки на Руссо использовались интерпретаторами как ситуационно удобные.

Идеи Руссо были хорошо знакомы идеологам североамериканских колоний, добивавшихся независимости от Англии, и использовались ими для обоснования своих целей. Так, Т. Пейн (1737–1809) в сочинении «Права человека» использует мысль Руссо о равенстве всех людей: «Я хочу сказать этим, что все люди по роду своему едины и, стало быть, рождаются равными и имеют равные естественные права»²³. Отдавая обществу свое право, человек взамен становится собственником в таком обществе и приобретает возможность пользоваться капиталом его (общества)²⁴. Осуществленный общественный договор позволяет образовать правительство, уполномоченное всеми отдельными индивидами общества, которые непосредственно (т.е. независимо ни от кого) «вступили в договор друг с другом для образования правительства»²⁵.

Т. Джефферсон (1743–1826), ученый, политик и будущий президент США, в своем проекте, ставшем основой Декларации независимости США (1776 г.), интерпретирует основные принципы Руссо о равенстве, свободе и гражданском обществе: «Мы считаем очевидными следующие истины: все люди сотворены равными, и все они одарены своим создателем очевидными правами, к числу которых принадлежат жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав учреждены среди своих людей правительства, заимствующие свою справедливую власть из согласия управляемых»²⁶. Декларация объясняла причины, побудившие американцев к отделению от метрополии, утверждала за народом (руссоистское) право на восстание и свержение деспотического правительства²⁷. Республиканскую форму правления Руссо поддерживал и Джефферсон: «Подлинной основой республиканского правительства являются равноправие каждого гражданина, равные личные и имущественные права»²⁸.

Примечательно, что Джефферсон, развивая идею общественного договора, принимает ее как единственно возможную и законную для решения, в частности, появившейся острой проблемы представительства в американском обществе, связанной со сменой поколений: «Таким образом, было бы справедливо, полно и миролюбиво выражено и обсуждено мнение всего народа и были бы приняты здравые решения всего общества»²⁹.

Конституция США (1787 г.), действующая и поныне, содержит (в ряде из 27 поправок) перечень всех основных свобод, созвучных по смыслу и содержанию с руссоистскими³⁰.

Ж.-Ж. Руссо оценивал демократию совершенно объективно следующим образом: «Если брать этот термин в точном его значении, то никогда не существовала подлинная демократия, и никогда таковой не будет»³¹. Ибо неестественно, чтобы большая часть народа управляла,

а меньшая была управляемой; как и то, чтобы народ все свое время занимался делами общественными, а учреждать для управления специальный орган – это уже изменение самой формы правления. Поэтому демократия более других форм подвержена изменениям⁵².

Предказание Руссо о подверженности демократии изменениям подтвердил А. Токвиль, посетивший в 1831 г. США, и подробно изучивший социально-политические особенности этой страны: народ участвует в составлении законов, выбирая законодателей, участвует он и в претворении этих законов в жизнь путем избрания представителей власти; а поэтому можно сказать, что народ сам управляет страной, ибо права правительства весьма незначительны и ограничены⁵³.

Таким образом, неизбежные противоречия свободы и равенства, по-разному рассматривавшиеся в учениях мыслителей, обнаружили себя уже в период буржуазных революций и раннекапиталистического развития. Причем проявил себя именно руссоистский приоритет равенства, поскольку провозглашение естественных и неотъемлемых прав человека было бы невозможно без признания равенства всех людей перед законом – формального юридического равенства⁵⁴. Ведь именно равенство определило универсальный характер прав человека, положив конец феодальным сословным правам и привилегиям.

В Россию сочинения и идеи классиков западноевропейского Просвещения, включая и Руссо, начали проникать уже со второй половины XVIII в., оказывая в той или иной степени влияние на все основные течения тогдашней русской мысли⁵⁵.

А.Н. Радищев (1749–1802) в своей книге «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) писал: «Человек родится в мир равен во всем другому. Все одинаковые имеем члены, все имеем разум и волю <...> Все равны от чрева матери в природной свободе, равны должны быть и ограничению оной <...> Опомнитесь заблудшие, смягчитесь жестокосердые! Разружьте оковы братии вашей, отверзите темницу неволи и дайте подобным вам вкусити сладости общежития, к нему же всещедрым уготованы яко и вы. Они благодетельными лучами солнца равно с вами наслаждаются, одинаковые с вами у них члены и чувства, и право в употреблении оных должно быть одинаково...»⁵⁶ Радищев один из первых воспринял свободолобивые идеи Руссо, поверил в идеалы свободы, равенства и братства, ставшие знаменем Великой французской революции, сделал их пропаганду смыслом своей жизни, став свидетелем не только террора якобинцев, но и жестокой тирании Наполеона и его действий, направленных на подчинение Европы и России⁵⁷. Неоспоримой заслугой крупнейшего просветителя Н.И. Новикова (1744–1818) является введение в читательский оборот произведений многих мыслителей европейского Просвещения, в том числе и Руссо⁵⁸.

Декабристы были хорошо знакомы с творчеством Руссо. Н.М. Муравьев обращал особое внимание на тезис Руссо о том, что государство общественный договор – арена постоянных потрясений, спокойствие же присуще только деспотии⁵⁹. Если Руссо, у которого каждый народ обладает своими нравами, национальной самобытностью, зависящей от общей воли каждого народа, считал, что слить несколько народов в один невозможно, то декабрист П.И. Пестель полагал иначе: любой народ, получив хорошие законы, может возродиться, стать свободным; такая позиция его исходит из традиций русской общественной мысли, опровергающей представления о путях развития русского государства, нарисованных Руссо⁶⁰.

Одними из тех, которых в период 40–60-х гг. XIX в. можно отнести к носителям философии французского Просвещения, являлись русские мыслители круга В.Г. Белинского – Н.Г. Чернышевского.

В содержательной части общественно-политических взглядов Белинского (1810–1848) в 1840-е гг. можно обнаружить требование изменений, сходных с руссоистскими: «Все общественные основания нашего времени требуют строжайшего пересмотра»⁶¹. Противоречие между при-

знанием ценности каждой личности и оправдание любых насильственных действий вытекает из понимания Белинским личной свободы, отождествляемой им с равенством и братством в духе руссоизма и якобинства; при этом он признает руссоистское убеждение полного подчинения гражданина государству (подавление эгоистического начала в человеке)⁶².

У Н.Г. Чернышевского (1828–1889) центральное положение человека проявляется в ряде его высказываний, в частности: «Человек мерило всего». Конечно, «ближайшим предметом наших мыслей должен быть человек, развитый цивилизацией, его нравственные и общественные учреждения, понятия, потребности»⁶³. Суть этого тезиса Чернышевского нам представляется важной потому, что его антропоцентризм, мысль о человеке как существе одновременно природном и общественном, имеет несомненные точки соприкосновения с идеологией Руссо.

А.И. Герцен (1812–1870) в теоретических построениях Руссо особо важным признавал его внимание к отдельной личности. Но при этом Герцен настаивает на необходимости связи личности с интересами общества: «В самом колебании между двумя мирами – личности и всеобщего – есть непреодолимая прелесть»⁶⁴. Именно Герцен заметил противоречие у Руссо и деятелей французской революции: с одной стороны, стремление к освобождению личности, с другой – подчинение ее государству, основанному на общей воле⁶⁵.

Идея Руссо о правомерности свержения деспотии нашла свое воплощение через столетие в воззрениях русских шестидесятников, но, подобно оговоренному французским мыслителем ограничению радикальных действий, предусматривала и возможность иного – мирного развития.

Вопрос изменения общественного строя у Белинского не исключал ни мирных реформ, ни насильственных переворотов; он отмечал в отношении последнего, что людей надо насильственно вести к счастью, не считаясь с кровью тысяч, не сравнимой с унижением и страданием миллионов⁶⁶.

Чернышевский в конце 1850-х гг. пришел к выводу о необходимости сделать ставку на организованные революционные выступления вне рамок существующей законности, невзирая на нарушение ее формы, однако при этом он выражал стремление избежать кровавой развязки.

Герцен также не исключал возможность использования радикальных средств как альтернативу мирному развитию: «...мы просто люди глубоко убежденные, что нынешние государственные формы России никуда не годны, – и от души предпочитаем путь мирного, человеческого развития путем развития кровавого; но вместе с тем так же искренно предпочитаем самое бурное и необузданное развитие – застою николаевского status quo»⁶⁷.

Видный русский либерал, историк и правовед Б.Н. Чичерин (1828–1893) критически рассматривал основные положения руссоистского учения. Он находил в руссоистской идее общественного договора явное противоречие между индивидуальным и коллективным началами⁶⁸. Не согласен Чичерин и с рядом других трактовок Руссо: действием «общей воли»⁶⁹, положением о свободе и равенстве, проявлением народовластия⁷⁰ и др. Но, несмотря на это, Чичерин признает, «что в первый раз в теориях Нового времени начало народности у Руссо выставляется центром всей политической жизни»⁷¹. Чичерин указывает, что когда личная независимость у Руссо исчезает, свобода остается только как владычество массы, вооруженной абсолютным правом и не признающим ничего вне себя, и плодом подобного учения может быть только установление самого страшного деспотизма во имя свободы, что и произошло во времена Конвента, когда демократические начала, заимствованные у Руссо, явились орудием и опорой кровавого террора⁷².

Наиболее глубоко в России в конце XIX – начале XX в. воспринял идеи Руссо П.И. Новгородцев (1866–1924) – либеральный ученый и юрист. Пожалуй, он один из первых в России выдвинул идею права человека на достойное человеческое существование, возможное только с осущест-

влиянием социальных реформ и развитием демократии⁵³. Ученый исходил из утверждения, что основная причина существующего в России кризиса правосознания – крушение очень старой веры, – веры в возможность земного рая (высшего предела Идеи прежней общественной философии)⁵⁴. Руссо, по Новгородцеву, был одним из тех, кто способствовал утверждению этой веры: «в пламенных произведениях Руссо содержится новое евангелие, новая благая весть, которая должна спасти людей от старых цепей неправды и рабства. <...> Теория народовластия была ярким и вместе с тем простым и ясным выражением этой веры»⁵⁵.

Для Новгородцева достижение общественного идеала неотделимо от человеческой личности. Дилемму: личность в контексте хилиастических мечтаний Средневековья (т.е. вечных надежд личности на достижение светлого земного рая) или личность – это самоценность, непреклонная в своем нравственном совершенствовании с верой в абсолютный идеал добра, ученый решает однозначно, настаивая на втором⁵⁶.

На примере разбора теории народовластия Руссо ученый показывает, что разрушение основ прежней философии: веры в возможность общественной гармонии, поиск всемогущих средств социального переустройства, сочетание беспредельного начала личности с определенными формами жизни и возведение относительных форм в степень безусловных ценностей привело к кризису современного (нового времени) правосознания⁵⁷. Мысль о непогрешимом единстве общей воли должна быть оставлена, ей следует уступить место идеалу свободного образования и выражения отдельных волей, центр тяжести необходимо перенести с общественной гармонии на личную свободу – такова вкратце суть предложения Новгородцева.

Рассматривая демократические концепции Руссо, Новгородцев показывает, что позднейшая теория распространяет понятие демократии на все формы государства, в котором народу принадлежит верховенство в установлении власти и контроль над нею, т.е. самоуправление народа – правление не одного класса, а всех классов, всей массы народа. А потому он настаивает на необоснованности классовой демократической теории социалистов, и в том же контексте идея классовой борьбы марксизма для Новгородцева также неприемлема по принципиально-этическим соображениям⁵⁸.

Ссылаясь на слова Руссо о том, что истинной демократии никогда не было и не будет, ученый обращает внимание на отдаленность современных демократий от демократического идеала. Да, соглашается он, лучшие формы демократии Руссо сейчас наличествуют в простейших по социальному составу странах, на втором месте англосаксонские демократии, но есть и страны-олигархии, только присвоившие себе наименование демократии, но нигде нет подлинной демократии. Все это и есть распутие демократии. Однако, признавая проблемы и противоречия демократии, сложность реформирования демократического общества, Новгородцев не становится в лагерь ее противников: вариант революционного марксистского движения от демократического распутия не для него⁵⁹.

Новгородцев после революций 1917 г. и существование в течение нескольких лет советской власти с горечью констатировал оскудение демократии в новой России. Воссоздание же демократической России он видел в общем национальном объединении, в духе связанности высшими началами и святынями, отказе от классовых разделений и революционных требований⁶⁰.

Вышеизложенное показывает, что в дореволюционной России социально-политические взгляды Руссо были предметом изучения во всем их многообразии и противоречивости. Став достоянием русской мысли, эти взгляды позволили русским исследователям глубже понять сущность нарождавшейся революционной идеологии. Вместе с тем в России не были созданы значимые сочинения, сопоставимые с «Общественным договором» Руссо и трудами других западноевропейских мыслителей Нового времени, сыгравших роль манифестов общественного

сознания в умах Запада. Это отметил Б.А. Кистяковский (1868–1920) в своей острой резонансной статье «В защиту права» (1909–1910), указав, что такое положение свидетельствует об отсутствии в общественном сознании России интереса к правовым идеям⁶¹.

В советское время традиция изучения взглядов Руссо прервалась, а сам мыслитель был канонизирован как революционный демократ, сторонник народовластия⁶²; в советской историографии существовало мнение, что общественно-политические взгляды Руссо принадлежали к домарксистскому прошлому⁶³. В целом руссоистские идеи в эту эпоху были малозначимы, изучение их считалось неактуальным. Только в 1960–1980 гг. возродил интерес к учению Руссо и были изданы его основные социально-политические произведения.

В то же время идеи Руссо привлекли внимание многих зарубежных исследователей. Показательна история развития собственно концепции общественного договора. Предложенная мыслителями XVII–XVIII вв., она наиболее четко была осмыслена именно Руссо⁶⁴, и очень кратко его идею общественного договора можно определить так: гражданское общество – это осуществленный общественный договор граждан, групп. За годы, прошедшие с момента возникновения теорий общественного договора и гражданского общества, многие положения их неизбежно уточнялись.

Особенно наглядно это проявилось в отношениях между гражданским обществом и государством, поскольку идея индивидуализма – основа гражданского общества, противоречит попыткам вмешательства государства в эту сферу. Выходом из этого противостояния является признание современным государством нового понимания его именно как правового государства с приоритетом прав человека, господством закона, разделением властей⁶⁵.

Существует мнение, что сегодня, в условиях глобализации, изменения в состоянии гражданского общества и государства привели к устранению из обихода, как устаревшие, некоторых идей Руссо и других мыслителей Нового времени, что неизбежно, поскольку развитие рыночного хозяйства показало несовместимость принципов равенства и принципов свободы⁶⁶. Идеолог такого направления – Р. Арон (1905–1983), французский социолог и политолог.

Один из значительных социологов современности Ю. Хабермас (1929) в работе «Структурные изменения общности» предложил новый взгляд на гражданское общество⁶⁷. В своей теории общности Хабермас утверждает мысль о том, что в развитых странах Европы достаточно давно наряду с государственными формами управления стали действовать своего рода объединения и структуры, не являющиеся государственными, но отражающие взаимосвязь государства и индивида. Такие структуры, сохраняя «закрытой» частную жизнь людей, вместе с тем остаются открытыми в своей целевой деятельности. Коммуникации индивидов и их объединений возможны по различным интересам, профессиям и т. д., а интеракции людей являются многосторонними. Позволив себе несколько заглянуть вперед, следует отметить озабоченность Хабермаса тем, что в традиционные структуры общности, которые по природе своей должны иметь негосударственный характер, все больше вмешивается государство; для нашей отечественной ситуации, где структуры «гражданского общества» находятся в стадии становления, активного поиска новых направлений развития, уточненная концепция «общности» Хабермаса имеет особое значение⁶⁸.

В постсоветской России продолжилась традиция изучения идей Руссо и творческое рассмотрение противоречий в воззрениях Руссо как политического мыслителя и социолога, но в целом идеи его, в отличие от конца XIX – начала XX в., находятся на далекой периферии общественной мысли, и одна из ключевых фигур русской общественной мысли оказалась практически забытой⁶⁹. В то же время невозможно отрицать и факты изучения социально-политического наследия Руссо рядом отечественных исследователей (не говоря уже о зарубежных)

как рассмотренные нами выше, так и оставшиеся за рамками исследования.

Образ «общественного идеала» Руссо как воплощение его взглядов о свободе, равенстве, гражданском обще-

стве, — не «вчерашний» день социально-политической мысли, а вполне реальный пример для создания основ гражданского общества в современной России.

- ¹ *Зеньковский В.В.* История русской философии. В 2 т. Париж. 1948. Т. 1. С. 97–99.
- ² *Длугач Т.Б.* Подвиг здравого смысла, или Рождение идеи суверенной личности (Гольбах, Гельвеций, Руссо). М., 2008. С. 279.
- ³ *Руссо Ж.-Ж.* О политической экономии // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 128.
- ⁴ Там же. С. 161.
- ⁵ *Руссо Ж.-Ж.* Об Общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С.8–120.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Декларация прав человека и гражданина // Французская Республика. Конституция и законодательные акты. М., 1989. С. 26.
- ¹¹ См.: *Руссо Ж.-Ж.* Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 96.
- ¹² *Руссо Ж.-Ж.* Об Общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 243.
- ¹³ См.: *Робеспьер М.* О бюстах Мирабо и Гельвеция // Избранные произведения. В 3 т. М., 1965. Т. 2. С. 141.
- ¹⁴ См.: *Марат Ж.П.* Речь Друга народа, произнесенная 6 сентября с трибуны Конвента // Избранные произведения. М., 1956. Т. 3. С. 158–159; *Огурцов А.П.* Философия науки эпохи Просвещения. М., 1993. С. 205–206, 207; *Робеспьер М.* О принципах политической морали // Избранные произведения. В 3 т. М., 1965. Т. 3. С. 112.
- ¹⁵ См.: *Токвиль А.* Старый порядок и революция / пер. с фр. Л.Н. Ефимова. СПб., 2008. С. 28–29, 179.
- ¹⁶ Там же. С. 185.
- ¹⁷ Там же С. 181, 184.
- ¹⁸ Там же. С. 181.
- ¹⁹ Там же. С. 180.
- ²⁰ *Огурцов А.П.* Указ. соч. С. 208.
- ²¹ Там же. С.100.
- ²² *Энгельс Ф.* Об авторитете // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. М., 1961. Т. 18. С. 305.
- ²³ *Пейн Т.* Права человека // Пейн Т. Избранные сочинения. М., С. 203.
- ²⁴ Там же. С. 205.
- ²⁵ Там же. С. 207.
- ²⁶ *Джефферсон Т.* Декларация представителей Соединенных Штатов Америки, собравшихся на общий конгресс // Американские просветители. Избранные произведения: В 2 т. М.: Мысль, 1969. Т. 2. С. 27.
- ²⁷ См.: Декларация независимости США.
- ²⁸ *Джефферсон Т.* [Народное правительство]. Письмо С. Керчевалю // Американские просветители. Избранные произведения: В 2 т. М., 1969. Т. 2. С. 117.
- ²⁹ Там же. С. 122–123.
- ³⁰ Конституция Соединенных Штатов Америки.
- ³¹ *Руссо Ж.-Ж.* Об Общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 200.
- ³² Там же. С. 200–201.
- ³³ *Токвиль Алексис де.* Демократия в Америке. Пер. с фр. М., 1992. С. 63.
- ³⁴ См.: Права человека и процессы глобализации современного мира / Отв. ред. чл.-корр. РАН, д. ю. н. Е.А. Лукашева. М., 2005. С. 61.
- ³⁵ См.: *Пустарнаков В.Ф.* Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа. М., 2002. С. 138.
- ³⁶ Цит. по: *Иванов-Разумник.* История русской общественной мысли. СПб., 1908. С. 34–35.
- ³⁷ См.: *Громов М.Н.* Век Просвещения в России // История философии: Запад–Россия–Восток (книга вторая: Философия XV–XIX вв.). М., 1996. С. 502.
- ³⁸ См.: Там же. С. 507.
- ³⁹ См.: *Златопольская А.А.* Идеалы «женевского гражданина» и Россия. Полтора века воздействия и осмысления (1752–1917) // Ж.-Ж. Руссо: Pro et contra. Антология. СПб., 2005. С. 25.
- ⁴⁰ См.: Там же. С. 32–33.
- ⁴¹ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953–1959. Т. 5.
- ⁴² См.: *Златопольская А.А.* Указ. соч. С. 35.
- ⁴³ *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1933–1953. Т. 2.
- ⁴⁴ *Герцен А.И.* По поводу одной драмы // Собрание сочинений: В 30 т. М., 1954. Т. 2. С. 64.
- ⁴⁵ Там же. С. 64.
- ⁴⁶ *Златопольская А.А.* Указ. соч. С. 35.
- ⁴⁷ См.: *Пустарнаков В.Ф.* Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа. М., 2002. С. 154.
- ⁴⁸ *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т.– М., 1953–1959. Т. 5.
- ⁴⁹ *Герцен А.И.* Указ. соч. С. 22.
- ⁵⁰ *Чичерин Б.Н.* История политических учений. Т. 2 / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. И.И. Евлампиева. СПб., 2008. С. 213–214.
- ⁵¹ Там же. С. 216–217.
- ⁵² Там же. С. 221–222.
- ⁵³ Там же. С. 223–227.
- ⁵⁴ Там же. С. 236.
- ⁵⁵ Там же. С. 237.
- ⁵⁶ *Новгородцев П.И.* Кризис современного правосознания. М., 1998. С. 340.
- ⁵⁷ См.: *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. С. 22.
- ⁵⁸ Там же. С. 23.
- ⁵⁹ Там же. С. 44.
- ⁶⁰ Там же. С. 48–51.
- ⁶¹ См.: *Новгородцев П.И.* Демократия на распутье // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М.: Пресса, 1991. С. 543–544, 555.
- ⁶² Там же. С. 547, 550–551, 555.
- ⁶³ См.: *Новгородцев П.И.* Оскудение святынь // Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 560, 570.
- ⁶⁴ См.: *Кистяковский Б.А.* В защиту права. Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909–1910 / Сост., коммент. Н. Казаковой. Предисл. В. Шелохаева. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 2–3, 15–16.
- ⁶⁵ *Златопольская А.А.* Указ. соч. С. 53.
- ⁶⁶ См.: *Занин С.В.* Формирование и развитие общественного идеала Ж.-Ж. Руссо: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2009.
- ⁶⁷ См.: *Длугач Т.Б.* Подвиг здравого смысла, или Рождение идеи суверенной личности (Гольбах, Гельвеций, Руссо). М., 2008. С. 284.
- ⁶⁸ См.: Права человека и процессы глобализации современного мира / Отв. ред. чл.-корр. РАН, д. ю. н. Е.А. Лукашева. М., 2005. С. 65.
- ⁶⁹ *Мотрошилова Н.В.* Ю. Хабермас // История философии: Запад–Россия–Восток (книга четвертая: Философия XX в.). М., 1999. С. 287–288.